

Мяо Юэ с холодным лицом отступила на шаг, увеличивая расстояние между собой и девочкой, после чего позвала Ци Гу и Линь Ханьчжи.

Девочка, словно верующая, получившая от божества святую воду, будто вообще не заметила выражения Мяо Юэ. Она снова подняла бутылку с грязной водой и принялась пить. Чем больше жидкости попадало ей в живот, тем ярче становились её глаза, а лицо наливалось здоровым румянцем, словно ребёнка годами тщательно и заботливо растили.

— Живот, — коротко сказал Ци Гу.

Линь Ханьчжи и Мяо Юэ одновременно посмотрели туда. Под грязной, неопрятной одеждой живот девочки ненормально вздулся. Казалось, внутри что-то ползает и шевелится: то тут, то там кожа заметно выпирала буграми.

Увидев это, все вокруг помрачнели.

Кто-то из сотрудников прикрыл рот и начал давиться рвотными позывами, а несколько человек вообще выбежали из класса.

Но дети оставались совершенно спокойными, словно всё происходящее было самым обычным делом.

— Она... давно так пьёт воду? — спросил Линь Ханьчжи у мальчика, который сделал бумажное надгробие.

— Мы всегда такую пьём. — Мальчику показалось, что Линь Ханьчжи задал глупый вопрос. Чтобы доказать свои слова, он вытащил из рюкзака собственную бутылку. Внутри тоже плавала и оседала всевозможная грязь.

Остальные дети, увидев это, словно тоже вдруг захотели пить. Один за другим они достали свои бутылки, синхронно открыли крышки и принялись глотать мутную воду.

Ци Гу подавил приступ тошноты и вспомнил: и в доме Цзюаньцзюань, и у старосты они пили, заваривали чай и готовили еду на совершенно нормальной чистой воде.

Почему же у детей всё иначе?

— Кто сказал вам пить такую воду? — спросил Ци Гу.

— Папа.

— Мама.

— Бабушка.

...

Ци Гу ожидал услышать имя Бай Юй. Всё-таки эта учительница была единственным человеком, который объединял всех детей. Но оказалось, что так их учили собственные семьи.

— А... ваши родители когда-нибудь делают что-нибудь странное?

— Нет. Мама и папа очень хорошо ко мне относятся. Каждый день заставляют меня напиться досыта перед школой, — с невинной улыбкой ответил один ребёнок.

Ци Гу быстро понял, что спрашивает неправильно.

— Тогда что ваши родители делают каждый день?

— Совершают водный ритуал. Старший брат, как ты можешь даже этого не знать? — Ребёнок посмотрел на Ци Гу как на глуповатого взрослого.

Для этих детей ненормальное поведение родителей было частью жизни с самого рождения. Для них именно оно и считалось нормой.

Но всё равно что-то не сходилось... Если дети каждый день пили такую воду, почему Фан Юаньван, будучи их учителем, не заметил проблему раньше и не уехал отсюда?

О чём он вообще думал?

Ци Гу сжал кулак. Ответ можно было получить только после разговора с самим Фан Юаньваном.

А с детьми пока ничего делать нельзя. Их нынешнее состояние явно было нужно семьям. Если Ци Гу вмешается слишком рано, невозможно предсказать, что родители сделают с собственными детьми.

Он приложил палец к телу девочки, у которой симптомы были сильнее всего, и тщательно проверил её. Оказалось, что в теле осталось лишь полдуши. Вторую половину целиком заняла чёрная скверна — поэтому девочка и выглядела такой заторможенной. А возбуждение после грязной воды тоже принадлежало не ей.

Радовалась другая половина — поселившаяся внутри скверна.

У остальных детей всё было не настолько тяжело. Скверна занимала меньшую часть, и Ци Гу мог бы простым обрядом изгнать её, а затем призвать обратно недостающие части душ.

— Пока оставим как есть. Разберёмся с основной проблемой и потом вернёмся к ним. — И без того холодное лицо Ци Гу окончательно заледенело, став острым и твёрдым, как сосулька.

Он думал, что с Хуайшуй будет как и прежде: ситуацию ещё можно будет исправить.

Но теперь выходило, что родители этих детей, скорее всего, уже...

Линь Ханьчжи тоже догадался, к чему всё идёт. Он видел немало трагедий, а вот Ци Гу впервые столкнулся с подобным. Линь Ханьчжи боялся, что тот слишком глубоко погрузится в чужую боль и не сумеет выбраться. Для сотрудников Управления по делам аномальных событий чрезмерное сопереживание чужим страданиям было очень опасно.

Когда-то один сотрудник на задании стал свидетелем того, как злой дух по очереди вселился в троих членов семьи. Он довёл каждого до безумия и невыносимых мучений, после чего покинул их тела и принялся наблюдать со стороны. Семья начала подозревать друг друга и в конце концов все трое убили собственных близких. И только перед смертью дух снова появился и сказал им: «Вы убили своих родных. Если вы действительно любили друг друга, почему не смогли узнать? Я ведь уже решил: если сумеете распознать друг друга — отпущу всю семью».

Тот сотрудник учился у деревенской медиумши и чаще всего приглашал в себя мстительных духов, чтобы переживать их эмоции. После того задания он полностью утонул в чужой боли и уже не смог из неё выбраться. В конце концов ушёл из Управления и больше никогда не занимался ремеслом, переданным наставницей.

— Ци Гу, ты в порядке? — нахмурился Линь Ханьчжи. Редкий случай, когда он назвал его полным именем.

— Всё нормально. Я не позволю этим эмоциям влиять на меня. Я умею отделять одно от другого, — ответил Ци Гу.

Возможно, из-за того самого случая в прошлом он почти никогда не позволял слишком сильным чувствам вмешиваться в суждения. И говорил всегда прямо, не ходя вокруг да около.

Потому что ложь во благо всё равно остаётся ложью. Иногда именно она способна привести к самому худшему исходу.

Линь Ханьчжи всмотрелся в него. Увидев, что в миндалевидных глазах по-прежнему ясность, он наконец расслабился:

— Тогда хорошо.

□Мне уже тяжело это смотреть. Что же в этой деревне произошло?□

□Кажется, Гугу и Чжичжи уже догадались о чём-то плохом. Иначе они бы так не разговаривали.□

□Умные люди — это что-то. Даже разговор звучит как зашифрованное сообщение.□

□Мне тоже немного грустно. Они похожи на двух зверьков, которые сбились вместе и вылизывают друг другу шерсть.□

Мяо Юэ, наблюдая за ними со стороны, решила, что смотреть на это уже сил нет. Она обошла класс, проверяя, не пропустили ли они каких-нибудь следов, и в самой дальней пустой парте обнаружила конспект уроков Фан Юаньвана.

В тетради было написано совсем немного. Похоже, Фан Юаньван только начал новый блокнот — и вскоре с ним что-то случилось, поэтому заполнить его он не успел.

Если учесть два года его волонтерской работы и год, прошедший с исчезновения, в Хуайшуй он приехал уже больше трёх лет назад.

Трёхлетний старый блокнот до сих пор лежал внутри парты, тогда как на столе не было ни пылинки. А если вспомнить, как во время урока взгляд Бай Юй снова и снова с нежностью скользил по этому месту... Мяо Юэ, человек начитанный и «классикой» не обделённый, прекрасно всё поняла.

Бай Юй, скорее всего, была влюблена в Фан Юаньвана.

Как раз в этот момент Бай Юй повела к ним Фан Хэна с затуманенными слезами глазами. У неё самой веки тоже были красными. Увидев в руках Мяо Юэ блокнот Фан Юаньвана, Бай Юй поджала губы, подошла и забрала его, будто просто между делом сказав:

— Это конспект уроков, который оставил учитель Фан. Несколько занятий здесь подготовлены очень хорошо, поэтому я до сих пор им пользуюсь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949066>